

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»

2017. Т. 21. С. 178–196

Онлайн-доступ к журналу:

http://izvestia_geoarh.isu.ru/ru/index.html

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 39 (=512.31)

К вопросу об общих истоках происхождения этнонимов «бурят» и «булагат»

С. Б. Болхосоев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ

Аннотация. Предлагается новая версия, согласно которой возникновение этнонима «бурят» связано с этнической историей племенного объединения булагатов. В этой связи выявлены этнические истоки племени, состав его основной группы и возникновение самоназвания «булагат». Соответственно, представлена хронология исторических событий, предопределивших формирование данной общности, которая в силу древней степной воинской и охотничьей традиции имела мифопоэтические воззрения, восходящие к тотему волка. Исходя из этого, доказываемая взаимосвязь символики данного социума с этнонимами «бурят» и «булагат», восходящими к общим истокам, связанными не только с этнокультурными аспектами, но и этнополитическими процессами, происходившими на территории Центральной Азии и Южной Сибири в позднесредневековую эпоху.

Ключевые слова: этимология, этнонимия, этнические группы, буряты, булагаты, волк, тотем, эвфемизмы.

Введение

Буряты представляют собой монголоязычную общность с довольно сложной этнической структурой, которую составляют четыре основных «племени-этнокоса» – булагаты, эхириты, хонгодоры, хоринцы и группа со смешанным родовым составом – так называемые селенгинские буряты. Как этническая целостность с пятикомпонентной структурой бурятский народ сформировался сравнительно недавно – в XIX в. Причем, по мере консолидации бурятских племен в единый социум, установилось общее имя для всего народа – *бурят (буряад)*.

Происхождение этнонима «бурят» остается во многом спорным и не до конца выясненным. Поэтому исследование данной темы является одной из актуальных ныне проблем, разрешение которой может прояснить как некоторые неизвестные стороны этногенеза и этнической истории бурят, так и происхождение его локальных компонентов. В этой связи автору хотелось бы представить в данной статье и свою точку зрения по этимологии этнонима «бурят». Но перед тем как приступить к изложению своей трактовки значения этнонима, следует рассмотреть основные версии этимологии имени бурятского народа, имеющиеся в научной литературе.

Материалы и результаты их анализа

По Г. Д. Санжееву, первоначально слово *бурят* (праформа – *бурийад*, структурно разлагающаяся на морфемы: корень *бури* от *буриха* – «уклоняться»; аффикс *-йа*; суффикс мн. ч. *-д*;) толковалось как «отколовшиеся или уклонившиеся от гнета монголов». За основу этой интерпретации была взята бурятская поговорка *бурижа ошоһон буряад* «уклонившиеся в сторону буряты» [Санжеев, 1983а, с. 48]. Однако Б. Р. Зориктуев, рассматривая значение этнонима, учитывая особенности географической зоны Прибайкалья, где районы степей граничат с лесом и тайгой, считает, что такая специфика и стала основой для возникновения имени «бурят», которое восходит к монгольской лексеме *бураа* – «роща/чаща/лес». Следовательно, *бураад* – «люди у леса / лесные» [Зориктуев, 1996, с. 18]. Напротив, В. А. Хамутаев этноним «бурят» выводит из западнобурятского диалектного слова *баряад*, *баряуд*, означающего «люди-народ» (без какого-нибудь этнического наполнения). По его мнению, в прошлом диалектное слово являлось самообозначением западнобурятского союза близкородственных племен – булагатов, эхиритов, курумчинцев и др.; затем оно было перенято другими народами-соседями бурят (в частности, предками хакасов – енисейскими кыргызами) как их самообозначение и произносилось ими искаженно (*пыريات*, *пыраат...*), а русскими (в XVII в.) записано как *брат* [Хамутаев, 2011, с. 16, 19]. Другой точки зрения придерживается Б. З. Нанзатов, который, ссылаясь на лингвиста В. И. Рассадина, данную перестройку этнонима видит так: «В Западной Бурятии этот процесс зашел дальше и из *буряад* появилась форма *баряад* (*бури* → *буриад* → *буряад* → *баряад*)». Кроме того, сам этноним *буряад* автор данной версии считает следствием развития слова из изначальной лексической основы *буридай/буритай/буртэ* – «серый», которая в монгольских языках оформлялась в сочетаниях *буртэ чино / хухэ буртэ шоно* – «матерый серый волк», *буртэ-гэрхэн* – «серенький». По его мнению, эта лексема в прошлом имела этническое значение, следовательно, она понималась как мужчина из этноса *бури*, а *бур*, *бури* – это волк [Нанзатов, 2005, с. 22, 24].

Отметим, что термин *бури* применительно к *бурят* ранее был рассмотрен языковедом Ц. Б. Цыдендамбаевым, приведшим впервые «тотемную» версию этимологии этнонима. Свою гипотезу он излагает со ссылкой на замечание Д. Банзарова [1955, с. 180], отметившего сходство названий *бурят* и *бурут*. Последним обозначается часть киргизов, а его фонетическим вариантом *бюрют* или *пюрют* называется один из хакаских родов. В частности, Г. Е. Грумм-Гржимайло [1926, с. 537] высказывался о происхождении бурютов (или бюрютов/пюрютов) и бурят из одного корня. Ц. Б. Цыдендамбаев предполагает, что этноним *бурят* восходит к тюркской (уйгурской) лингвистической основе *бөря* (*буре* или *бүрю*) со значением «волк» с монгольским суффиксом множественности *-д* [Цыдендамбаев, 1972, с. 277]. Именем *бөряэд / буреэд*, по мнению ученого, называлось то протомонгольское племя, которое в период главенства над ним тюрков переводят на древнетюркский язык свое прежнее тотемное имя *чинос* («волк»), тем самым делая его доступным для господствующего этноса, в результате они начали называть

себя «буретами» (или «борятами») [Цыдендамбаев, 1972, с. 279]. Данная версия была развита Д. С. Дугаровым, акцентирующим внимание на наличии звука *-яа* (в *бур-яа-д*), выделяя его как морфему *-йа* (*бури-йа-д*), которую возводит к индоевропейскому слову «ai» («сделать, создавать, сотворить»), применяемому в этногенетическом контексте у бурят, якутов, некоторых угро-финских и северогерманских народов (эстонцы, финны и др.) в значении – Бог-творец и Громовержец «Айа» (ср. якут. «Айыы», бур. «Аээ»/«Ээ»). Ученый считает, что к тотемному имени огузо-уйгурских народов *бури* («волк») на каком-то историческом этапе, вероятно, в X–XII вв. (до их покорения монголами в XIII в.), прибавилось имя их племенного бога-творца Айа с монгольским суффиксом множественности *-д/-т*. Так появился этноним «*burī-aia-d*» (*бурийад/бурят*). Впоследствии носители этого имени, вовлеченные в ойратские завоевания в конце XVI – начале XVII в., оказавшись в Предбайкалье, распространяют этноним у местных племен [Дугаров, 2006, с. 50]. Таково, по мнению Д. С. Дугарова, происхождение этнонима *бурят*, которое поддерживается рядом исследователей как наиболее обоснованное и заслуживающее общего признания. Другие склоняются к гипотезе Ц. Б. Цыдендамбаева, считая ее единственно правильной и выгодно отличающейся от вышеизложенных точек зрения. Тем не менее отметим, что данные версии вызывают критику, в частности, со стороны Г. Д. Санжеева, который несостоятельность указанных интерпретаций видел в невозможности перехода слова (корневой основы) из мягкого ряда в твердый, т. е. «*bōri*» в «*burē*» (*бөри* в *буре*) и т. д. [Санжеев, 1983б, с. 105].

Таким образом, лингвистическое обоснование этнонима оставляет открытыми многие вопросы, связанные с возникновением и бытованием данного термина, не говоря также о том, какая этническая или родоплеменная группа была носителем этого имени, ставшего общим для целого народа. Поэтому мы склоняемся к другому лингвистическому объяснению этнонима, правда, придерживаясь той же тотемной версии, поскольку считаем ее более приемлемой и близкой к истине, чем другие с неубедительными попытками определения происхождения этнонима.

По нашему мнению, в качестве апеллятивной основы этнонима «бурят» выступает не морфемный состав *бури-яа-д*, а двухкомпонентная конструкция слова, образованного из лексем *бур(а)* и *ыт*, которые относятся к тюркскому языковому фонду. Первый термин *бур/бура* имеет значение – 1) «крутить, закручивать, вертеть, кружить, скручивать, обвивать»; 2) «сверлить, буравить»; 3) «гнуть, сгибать» [Севортян, 1978, с. 264–265]. Кроме того, в восточно-тюркских языках слово *бура* – «нюхать, обонять, чуют» [Там же, с. 270]. Второй компонент *ыт* (варианты *йыта*, *ййт*, *ит*, *эт*) – «собака, пес» [Севортян, 1974, с. 385]. Следовательно, словосочетание «*бура ыт/бура йыта*», которое в процессе стяжения образовало лексему *бур-ыт/бурайыт*, имеет значение «рыщущая вокруг собака» или «крадущийся, вынюхивающий пес», а при переходе этого сложного термина на монголоязычную (бурятскую) основу приобрело фонетический вариант *бура-эд/бурезд*, ставший основой для этнонима *бураад* (*бурят*). В пользу этого

предположения можно привести сведения И. Георги, который в XVIII в. писал, что буряты называли себя «барга буретт» [История Бурятии, 2011, с. 264]. Относительно наличия в конце этого выражения дополнительного звука *-т* (*-д*) можно предположить, что он, видимо, представляет суффикс множественности (например, *барга бурезд[уу]д*).

Словом, этноним «бурят» является тюркской лексемой и представляет собой, по всей вероятности, прозвище, которым обозначалась некая этническая группа, ассоциируемая с образом собаки. При этом речь идет о виде такой собаки, которая обладает особыми качествами, не присущими домашнему животному. Судя по прилагательному «рыщущая вокруг» / «крадущаяся / вынюхивающая», то это вольное животное, осторожный и в то же время беспокоящий хищник, не прирученный человеком. Соответственно, под такой набор характерных признаков подходит только одно собаководное животное, которое водится в Прибайкалье, – это волк. Значит, обозначение «рыщущая вокруг собака» / «крадущийся, вынюхивающий пес» представляет собой нарицательное обозначение представителей независимой от кого-либо враждебной этнической группы, соотносимых с образом волка. В пользу этого может говорить словосочетание *барга буретт*, так как его первая часть переводится с бурятского языка как «грубый, некультурный, первобытный» [Шагдаров, Черемисов, 2010, с. 116]. Иными словами, лексема *барга* подразумевает понятие «дикий». Отсюда *барга буретт* (*барга бурядууд*) – «дикие рыскающие собаки» или «дикие крадущиеся псы». В этом случае первый компонент этнонима, который впоследствии вышел из употребления, ранее использовался для разъяснения значения второй заимствованной лексемы. Вероятнее всего, что в прошлом носители этого «прозвища» хорошо разбирались в его значении и происхождении.

Полагаем, что к его возникновению имело отношение булагатское племя, которое к моменту прихода русских в XVII в. представляло самое многочисленное и ведущее объединение среди бурятских родоплеменных групп. По выражению Ц. Б. Цыдендамбаева [1972, с. 293] – бурятское племя «номер один». При этом характерной особенностью является то, что ареал их расселения охватывал бассейн верхнего и среднего течения р. Ангары, т. е. племенная территория располагалась между землями, занятыми с юго-западной стороны хонгодорами Присяянья, северо-западной – джунгаро-ойратскими группами Нижней Ангары, северо-восточной – эхиритами Верхоленья и юго-восточной – хоринцами Приольхонья и Забайкалья. Иными словами, булагаты географически занимали как бы центр этнической территории бурят.

Результатом такого месторасположения племени является не только его лидирующая позиция среди бурятских объединений того периода, но и позднее формирование группы. По нашему мнению, время сложения племени относится к XV–XVI вв. и связано с историей военных действий восточных монголов против западных, т. е. ойратов. Известно, что походы были направлены на объединение разрозненных областей Монгольской империи. Вследствие таких акций к границам Предбайкалья (Прибайкалья) прибыли

группы кочевников, впоследствии сформировавшие бурятское племя булагат (бур. *булгад*). Но вначале они представляли военизированные группы, призванные для осуществления интеграции Предбайкалья в централизованное государство. Поскольку следствием военной экспансии данной территории является слово *булагат* в значении «захватчики», которым обозначались собственно монгольские пришельцы, то полагаем, что апеллятивной основой лексемы *булагат* является слово бурятского/монгольского происхождения *булга* – «сбить, сломать, смещать» [Шагдаров, Черемисов, 2010, с. 150], «нападение, захват» [Большой академический ... , 2001, с. 275] и суффикса мн. числа -д.

Следует отметить, что ученые по-разному толкуют название бурятского племени. Например, одни его возводят к названию *булагачин* – «собольщик» (монг. *булган* «соболь» + суфф. деятеля *-чин*), которое в перечне наименований древних племен и народов, проживавших в Предбайкалье, фиксируется в письменных источниках «Сокровенное сказание монголов» (1240 г.) и «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина (1304 г.) [Нанзатов, 2005, с. 28]. Другие, в частности Г. Д. Санжеев, отрицают предковость булагачинов к булагатам и не видят преемственности между этими наименованиями, поскольку усматривают в древнем названии не этноним определенного племени, а обобщенное обозначение лесных племен, занимавшихся пушным промыслом, которое стало известно из средневековой купеческой среды [Санжеев, 1983б, с. 82–86]. Третьи предложили отличную от предыдущего мнения версию, по которой слово *булагат* заключает в себе тотемические корни и обозначало тотем (соболь) каких-то групп древних предбайкальцев, от которых и распространилось в виде этнонима [Михайлов, 1980, с. 76]. Оппоненты усматривают не тотемическое происхождение, а топонимические истоки [Цыдендамбаев, 1972, с. 283–284], указывая, что этноним восходит к гидронимическому термину *булаг* – «родник» [Егунов, 1990, с. 108–109]. Считая данную версию сомнительной, отдельного мнения придерживается Б. Р. Зориктуев, связывающий этноним *булагат* с тюркскими словами *була* – «светло-желтый, буланый» (в значении масти животного) и *ат* – «лошадь», которые при сращении дали лексическую форму, выступавшую племенным именем, отражавшим коневодческое занятие курыканской части предков булагатов, выделившейся сначала в отдельную социальную прослойку, именованную названием масти животного, а потом в этническое образование с тем же обозначением, но уже в составе бурят. При этом в самоназвании между *була* и *ат* вставляется звук -з, из чего появляется *була'ат* – *булагат/булагад* [Зориктуев, 1993, с. 125–128]. Данное мнение было раскритиковано Д. Д. Нимаевым, который отметил ряд погрешностей в этой версии. Например, отрицание возможности появления лишнего интервального -з, поскольку в монгольских языках наблюдается совершенно противоположный процесс ассимиляции этого интервокального звука и т. д. [Нимаев, 2000, с. 142–144]. По следующей гипотезе, предложенной Б. З. Нанзатовым, образование слова *булагат* также связывается с тюркским языковым фондом, где основой выступает лексема *булга*: 1) «перемешивать,

смешивать»; 2) «мутить»; 3) «досаждать, обижать, вредить»; 4) «сеять смуту». Из этих значений выбор пал на первое и последнее, в итоге *бул-га* + *д* (окончание мн. ч.) → *булгад* – «смешанные» либо «смутьяны». Носителями этого названия по данной версии признается тюркоязычная в основе группа, привнесшая его в Предбайкалье [Нанзатов, 2005, с. 27–29].

Из приведенных версий склоняемся к соображению Г. Д. Санжеева и также считаем гипотезу Б. З. Нанзатова отчасти близкой к нашему мнению с позиции лингвистического сопоставления, но неоправданной с точки зрения соответствия этнографической реалии, поскольку этническое ядро булагатов, как мы считаем, имеет скорее монгольскую основу, нежели тюркскую, как предполагает ученый (и ряд других исследователей). Соответственно, носителями имени *булагат* изначально являлись монголоязычные группы, которые, как мы отметили выше, по отношению к себе, в связи с колонизацией Предбайкалья, стали употреблять указанное название. С другой стороны, маловероятно, чтобы булагаты по отношению к себе применяли понятие «смешанные». Во-первых, еще до недавнего времени они сохраняли «чистоту» рода, хорошо знали, судя по родословным преданиям, кто именно булагат (тугалаковец – см. ниже), а кто нет. Даже в русских источниках XVII в. четко определяется, кто булагаты, а кто ашабагаты, гоголы, харануты и др. (считающиеся в современной литературе булагатами), т. е. этнического смешения как такового не наблюдается, а название «булагат» уже существовало, видимо, не в смысле «смешанные». Относительно значения «смутьяны», предполагающего понятие «подстрекать к смуте, мятежу или раздорам», то оно по логике должно скорее иметь отношение к объекту нападения/подчинения, чем к его источнику, а поскольку булагаты, по нашей версии, сами являлись агрессорами, то вряд ли их самоназвание выражало определение «бунтарей». Следовательно, считаем спорной попытку возвести название *булагат* к тюркской основе, хотя ее отдельные определения («досаждать, обижать, вредить»), несомненно, близки к бурят-монгольскому значению слова *булга*.

Итак, монголы-булагаты, как мы отметили выше, выступая военизированным объединением, перед тем как прийти в Прибайкалье, сначала отдельными группами проникают в земли Прихубсугулья и восточного Присаянья, населенные тюркскими этническими группами (предки современных цаатанов, дархатов, сойотов и др.), от которых, видимо, получают наименование *бурят* («рыскающие/крадущиеся собаки»), распространившееся далее в Предбайкалье и ставшее их внешним именем, получившим известность у многих местных племен. Затем, обосновавшись в Торской (Тункинской) долине Восточных Саян, которая по родословным преданиям считается местом объединения в единую группировку, они вторгаются в Предбайкалье, где покоряют племена, населявшие Приангарье (долины рек Куды, Алари, Унги и т. д.), потом – Верхоленье и другие местности [Балдаев, 2010, с. 195; Дашибалов, 2003, с. 81; Хангалов, 2004, с. 79]. При этом, в привычной для степняков традиции, эта военная среда была тесно связана с волчьей символикой, поскольку такое явление часто встречалось во многих культурах

Центральной Азии, когда образ зверя соотносился с воинскими и охотничьими объединениями.

Соотношение воинов с образом волка было следствием подражания характерным особенностям зверя как охотника, добытчика, а также как неутомимого, бесстрашного и беспощадного к затравленной жертве. Воинское объединение ассоциировалось с волчьей стаей, которая к тому же демонстрирует строгий иерархический порядок, столь необходимый для организации военных действий (разведки, выслеживания, диверсии, окружения, нападения, преследования, захвата, уничтожения и пр.). И в то же время связь воинов с образом волка обусловлена мифологическими воззрениями, где зверь выступал в качестве покровителя, охранителя и вдобавок как духа, воплощающегося в них. Отсюда наименование волка и/или названия его характерных особенностей поведения и окраса, отдельных частей тела и физических способностей выступали в качестве обозначения отдельных воинов или целых групп, связанных с военными действиями [Харитонов, 2000, с. 17].

Полагаем, что основу бурятского племени булагат представляли именно те группы или подразделения воинов-кочевников, которые отождествлялись с образом волка. При этом каждая из них имела свой собственный волчий маркер, который сохранился в виде родовых названий булагатов. В частности, об этом определенно свидетельствует этнонимия коренных булагатских родов, составляющих по сведениям генеалогических преданий шесть объединений, включаемых в число прямых потомков Тугалака, основателя главной и одноименной группы племени. В литературе они известны как *алагуй*, *хурхуд*, *далхай*, *бурюха*, *хойго* и *саган*. Но, следует отметить, что в устной традиции эти названия сочетаются с дополнительными лексемами и компонентами, которые уточняют смысл наименований и указывают на определенные внешние и функциональные характеристики волка.

Так, наименование *алагуй* соотносится с фразой *ама сагаан алагы*, репрезентирующей на бурятском языке понятие «беломордый пегий» (волк). Доказательством этого значения, во-первых, является перевод данного словосочетания: *ама* – «рот, пасть»; *сагаан* – «белый, светлый»; *алагы* от корневой основы *алаг* – «пегий» и частицы утверждения *-ы*; во-вторых, наименование «беломордый пегий» было обусловлено наличием в природе волков с соответствующей окраской. Как пишет ученый-зоолог Д. И. Бибииков, волки с разношерстной (пегой) окраской – темным верхом на спине и бокам тела, светлым оттенком на брюшной полости и ног, а также белой нижней частью морды и шеи – самые типичные дикие животные районов Сибири и Центральной Азии. Наряду с этим также в окраске волков этих регионов обнаруживаются такие цветовые тона, как серо-бурый, буровато-палевый, светло-белесый, ржаво-охристый, буровато-черный и др. [Бибииков, 1985, с. 28–30, 64], которые, несомненно, были известны этническим группам данных территорий, занимавшимся охотой и скотоводством. Соответственно, каждый окрас в лексическом отношении имел свое обозначение.

В свою очередь, на подобную приведенным данным цветовую привязку указывает семантика названия *хурхуд* (в литературе встречаются варианты

куркут/куркат), которое в фольклорной версии предстает лексемой *хүзүү сагаан хүрхүүд*, имеющей значение «белошейные буренькие» (волки). Подтверждением этого является перевод с бурятского языка компонентов *хүзүү(н)* – «шея», *хүрхүүд* произошло от уменьшительно-ласкательного корня *хүрэхэн* – «коричневенький, буренький» и аффикса множественности *-үүд*, которые при стяжении *хүрэхэ (н) + үүд* развились в слово *хүр(э)хүүд* → *хүрхүүд*.

Следующим названием, содержащим указание на окраску волка, является фраза *далхай – боржин далхай*, которую можно интерпретировать как «серобокий» (волк). Объяснением являются переводы с бурятского языка слов *боржин* и *далхай*. Первое образовано от стяжения корня *боро* – «серый» и аффикса, показывающего наличие признака *-жин/жон*, который имеет варианты *-шон/циг*. Например, *боршон/боршиг*. Кстати, по материалам И. Н. Мадасона, имя *боржин далхай* записано в форме *боршон / боршиго далхай* [Мадасон, ф. 18, оп. 1, д. 239/а, л. 15; д. 235, л. 149], что свидетельствует о вариации словообразовательного форманта. Второе слово также происходит от стяжения корня *дала* – «лопатка, плечо» и аффикса с уменьшительным значением *-хай*, отсюда – *дал(а)хай*.

Продолжением подобного рода названий является лексема *бурюуха*, обретающаяся в отдельных говорах предбайкальских бурят другие формы звучания. Например, для кудинцев характерно произношение *берюуха/барюуха* [Будаев, 1992, с. 10], а для осинцев – *бирууха*. Как пишет С. С. Балагунова: «...там, где представлен гласный *-у* в словах некоторых бурятских говоров, в осинском подговоре наблюдается появление *-э/и*» [Балагунова, 1987, с. 43]. Заметим, что лексема *бирууха* отмечается в материалах С. П. Балдаева, видимо, записанная со слов информантов указанной группы (либо респондентов из местностей, территориально близких к ним), которой соответствует фольклорная фраза *бирууха түргэн*. Примечательно, что это название, согласно материалам ученого, не связано ни с одним из бурятских родов, представленных в его работе «Родословные предания и легенды бурят» [1970]. Но по сведениям других источников, эта лексема, зафиксированная как *бурюуха түргэн* [Мадасон, ф. 18, оп. 1, д. 235, л. 95, 98], представляет имя одного из предков в генеалогической традиции булагатских родов *олзой*, *муры* и *хулмэнгэ*. Об этом свидетельствуют материалы М. Малагасаева, составленные в начале XX в. По его сведениям, одна половина населения Аларского аймака (включавшего в прошлом современные Аларский и Нукутский районы), а именно жители Унгинского хушуна (совр. Нукутский район), являются потомками, как пишет этнограф, Брюхатургена (Бурюуха Түргэна). Тогда как другая ее часть представляет хонгодорское племя и другие немногочисленные роды [Малагасаев, ф. 362, оп. 1, д. 13, л. 15]. При этом указано, что по родословным преданиям Бурюуха Түргэн выступает отцом Бумола/Бомола, от которого происходят роды *олзой*, *муры* и *хулмэн* [Малагасаев, ф. 362, оп. 1, д. 20, л. 1–2].

Что касается этимологии словосочетания *бурюуха түргэн*, то здесь, на наш взгляд, первый компонент выражает цветовую номинацию, а второй элемент указывает на особые физические качества определенного нами

дикого животного. Полагаем, что исходной основой термина *бурюуха* выступает бурятское слово *бур(и)* в значении «ил, глина, плесень» в союзе с аффиксом, указывающим на присутствие признака *-юу*, и формантом *-ха*, являющимся, по мнению филолога А. Г. Митрошкиной [1976, с. 58, 62], уменьшительно-ласкательным суффиксом. Таким образом, развитие этого слова выглядит следующим образом: *бур + юу + ха* → *бурюуха*. В итоге лексема выражает значение, которое можно определить как «подобный цвету ила, глины (или плесени)», т. е. указывает на серый/темный окрас.

С другой стороны, можно видеть корреляцию значений слов *бурюуха* и *буумол/бомол (буумал)*, выступающих именами предков указанных групп булагатов, что является неслучайным соотношением. По нашему мнению, термин *буумал*, имеющий значение: 1) «ниспускающийся, ниспадающий», 2) «молния» [Шагдаров, Черемисов, 2010, с. 159], также мог применяться для эвфемического названия волка, согласно представлениям бурят, как имеющего небесное происхождение: *тэнгэрийн нохой* – «небесная собака» [Хангалов, 2004, с. 17]. В связи с чем, вероятно, возник вариант имени *Буумал Сагаан* – «Ниспускающийся Белый», фиксируемый в отдельных преданиях [Балдаев, 1970, с. 160; Хангалов, 2004, с. 75]. Отметим, что в традиции народов Центральной Азии эпитет «белый» символизирует связь с верхним миром. Примечательно, что подобные эпитеты (*тэнгэри буумал* – «небесного происхождения», *буумал онготой* – «с небесным духом», *цагаан онгон* – «белый, светлый дух») для обозначения «небесной собаки» используют баргуты, близкий по культуре к бурятам монголоязычный народ, проживающий на северо-востоке Китая [ПМА 2]. Следовательно, эпитет «ниспускающийся белый» может подразумевать сакральность волка (тотема) и был еще одним наименованием, параллельно употребляемым с *бурюуха*, которое в сочетании с лексемой *тургэн* – «быстрый, проворный» имеет значение «темно-серенький быстрый» (волк).

Добавим также, что фразы *бурюуха тургэн* и *буумал* (или *буумал сагаан*) в генеалогических преданиях являются именами не двух отдельных предков (отца и сына – см. выше), а взаимозаменяемыми наименованиями в прошлом одной группы, ставшей основательницей булагатских родов Унгинской долины *олзой*, *муры* и *хулмэнгэ*. Кстати, отметим, что реминисценцией представлений о волке как предке, имеющем небесное происхождение, для унгинцев являлся обычай, при котором они, убив зверя, снимали с него шкуру вместе с головой, дыхательным горлом, сердцем и легкими и совершали обряд *хурылха* («призывание благодати») для привлечения удачи на облавных охотах. После их окончания голову с данными внутренними органами отделяли от шкуры и помещали на крыше амбара или сарая [Хангалов, 2004, с. 48].

По поводу еще одного названия *хойго* (варианты *хойхо*, *сейгот*, *хойбот*), известного в устной традиции бурят под именами *хойго* (мн. ч. *хойгод/хойгууд*), *нарин хойхо* [Балдаев, 1970, с. 166] и *сагаан хойбо* [Балдаев, 2010, с. 129], следует сказать, что эти обозначения в целом подразумевают волчью манеру поведения, отражающую специфику охотничьей повадки и

характеристику окраса шерсти. Сказанное обуславливает этимология указанных лексем на основе бурятского языка. Так, термин *нарин* переводится как «тонкий, стройный, изящный, искусный». При этом он относится к категории усилительных слов при существительных, прилагательных, наречиях и глаголах, а также имеет категорию ласкательного определения. В свою очередь, слово *хойго/хойхо/хойбо* близко по смыслу такому однокоренному лексическому образованию, как *хойхо*: 1) «привязывать кого-что-л.»; 2) перен. «держать кого-что-л. в каком-л. положении»; 3) «стоять, поджидая; стоять в настороженной позе; подкараулить»; 4) «делать стойку на соболя и белку» [Шагдаров, Черемисов, 2010, с. 558]. Значит, корневая основа *хой* указывает на такие значения, как «задержать, схватить, подстеречь, поймать в ловушку». В итоге основа *хой* с помощью суффикса *-го*, имеющего, по А. Г. Митрошкиной, уменьшительное значение [1976, с. 58], а также формантов действия *-но* и *-бо*, образуют названия *хойго/хойхо/хойбо*, значения которых могут быть истолкованы как «ловец», «перехватчик». Примечательно, что именно так в современной охотничьей среде и литературе обозначают волков, притаившихся в засаде, в ловушку которых другие члены стаи загоняют жертву [Бибиков, 1985, с. 311].

Что касается цветового обозначения – *сагаан* в лексеме *хойбо*, то оно может подразумевать сакральность зверя и в то же время масть волка, видимо, со светло-серым (белесым) окрасом шерсти, встречаемого часто в лесах и степях Южной Сибири, в частности Прибайкалья и Забайкалья [Бибиков, 1985, с. 29, 44]. У некоторых групп бурят его называли белым волком, считавшимся священным животным, связанным с Небом [Галданова, 1992, с. 49]. Однако у булагатов в категорию небесного животного включался волк не только с указанной мастью, но и с другими оттенками шерсти, хотя присутствие светлых тонов в окраске зверя считалось маркером духовной связи с божественными силами высшего уровня. Таковыми в булагатской традиции выступают Небо и «западный хат» – мифический прародитель бурятского племени Буха-нойон, возглавляющий сонм божеств небесного происхождения, выступающих хозяевами горных вершин и отрогов Восточных Саян. Отсюда волк считался «собакой» не только Неба, но также «западного хата» Буха-нойона [Хангалов, 2004, с. 154, 249]. Здесь связь волка с родоначальником булагатов Буха-нойоном отражает мифологическое воззрение, сопряженное с идеей предковости.

На тотемический культ волка у булагатов указывает также ритуальное действие, совершавшееся на свадебном обряде кудинских бурят. По описанию М. Н. Хангалова, оно производилось на улице с правой (юго-западной) стороны от юрты родителей жениха и включало, во-первых, жертвоприношение божествам-покровителям посредством брызгания тарасуна (молочной водки), во-вторых, церемонию благословения молодоженов, проводимую тремя стариками, называемыми *онгони өбөгөд* (букв. «старцы духов-предков»). Они садились справа от сватов, перед которыми на стол клали кожу от головы волка, белую войлочную сумку со священным шаманским предметом (*онгон*) и ритуальные блюда из мясных продуктов [Хангалов,

2004, с. 79]. В данном случае, как пишет Н. Б. Дашиева: «В ритуале место расположения и название старцев указывают на их статус как старших по генеалогии, выполняющих коммуникативные функции между сородичами и духами-предками, в том числе и духом тотемного предка в образе волка» [2015, с. 99]. Кстати, явление последнего посредством демонстрации экстаического действия было свойственно шаманам кудинских, балаганских и идинских бурят [Хангалов, 2004, с. 145, 154, 395], т. е. булагатов, для которых волчий дух-онгон являлся покровителем, предком. Как отмечает М. Н. Хангалов, шаманы перевоплощаются только в тех животных, с образом которых соотносились их предки. Поэтому в животных, от которых шаманы не «происходят», они не могут обратиться [Там же, с. 145]. Получается, что до недавнего времени племенная традиция сохраняла поверья о происхождении булагатов от волка, незримым олицетворением которого, в частности, выступают и названия коренных родов. К вышерассмотренным также относится именование *нарин / сагаан хойгод*, имеющее в переносном смысле значение «искусные/светло-серые перехватчики».

Осталось коснуться наименования рода *саган*. Согласно вышеизложенному, оно восходит к слову, которое в комбинации с другими терминами и в единственном числе, как в данном случае, представляет устойчивую лексему, активно применяемую в обозначении окраса волка. Тем не менее отметим, что в генеалогических преданиях бурят, собранных у кудинских булагатов, имя их предка фиксируется как в форме *Сагаан*, так и *Сагаалаг* [Будаев, 1992, с. 12] или *Сагаанаг* [Мадасон, ф. 18, оп. 1, д. 235, л. 65, 69, 138], что является неслучайным обстоятельством. Поскольку полагаем, что последние термины являются праформами указанного ранее наименования, которые в силу простоты употребления в речевой практике приобрели сокращенный вариант – *сагаан*. В этом не последнюю роль сыграла смысловая близость, хотя лексические формы различаются некоторыми оттенками значений. Так, при рассмотрении лексем *сагаалаг* и *сагаанаг* выделяются производящий корень *сагаа(н)* и словообразующие аффиксы *-лаг* и *-наг*, которые показывают и характеризуют наличие признака. Следовательно, эти лексемы указывают на цветовую характеристику объекта, который был не просто белый, а скорее серо-белый, т. е. седой или сивый. Последнее значение, как известно, было сопутствующим компонентом названия волка, бывшего популярным у многих народов, и в том числе у бурят, в частности у сагановской группы булагатов. В качестве свидетельства тому приведем отрывок обрядового текста, посвященный предкам рода шаралдай:

*«Шаралдайтнай удхалаһан удха
Боро соохор моритон
Боро шоно хүдэргэтэн...»*

*«По происхождению шаралдаевцы
Владеют серо-пегими лошадьми, име-
ют накидки из шкур сивых волков...»
[Балдаев, 1970, с. 24].*

Интересно отметить, что по представлениям бурят и баргутов только мужчины, наделенные особой духовной силой (*һүр хүдэтэй / сүлдэтэй*), могут носить шубы из волчьей шкуры. Например, это охотники и воины

[ПМА 3], представлявшие в прошлом социальную группу с особым статусом и соответствующим волчьим символом. Исходя из этого, полагаем, что предки шаралдаевцев – так называемые сагановцы – были причастны к указанному сословию людей, образ которых, в свою очередь, стал источником появления фольклорного выражения *хүбүүд бэиш хүхэ шонод* («не молодцы, а сивые волки») [ПМА 1]. В современное время кудинские буряты данную фразу применяют в отношении молодых людей мужского пола, наделенных особыми качествами, такими как сметливость, решительность, ловкость, выносливость и энергичность. В прошлом же в образе сивого волка кудинцы представляли себе воина (и охотника). Например, это получило отражение в эпическом произведении «Аламжи Мэргэн», в котором герой сказания в борьбе с противником оборачивается в сивого волка [Аламжи Мэргэн ... , 1991, с. 176–177]. Также свидетельством отождествления воина с волком являются сюжеты из эпоса «Гэсэр». К примеру, в кудинском варианте сказания эпические богатыри воплощают волчий ум («*шоно һанан*»), выражающий по представлениям западных бурят твердость характера и непоколебимую волю [Шагдаров, Черемисов, 2010, с. 617]:

*«Абай Гэсэр хүбүүн! – гэжэ.
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа.
– Тантай ла ябахата
Бахтиирнууд биди байналди,
Тан үгэй хадаа
Ямар хани бахтиир байнамди?
Энээнэһээ хойшо гэнэн
ябадалаа мартахамнай,
Шоно һанаа һанаахамнай,
Шулуун зүрхэ зүрхэлхэмнай!
– гэжэ
Мэнэн хүүрээ хэлэбэл даа».*

«Абай Гэсэр молодец! –
Такие слова говорил.
Вместе идти
Богатырями мы становимся,
Без вас
Какой я воин-богатырь?
С этого времени обычный
путь забудем,
Волчью мысль задумаем,
Каменное сердце
приобретем! –
Такие слова он произнес».
[Абай Гэсэр Могучий ... , 1995, с. 58–59]

В унгинском варианте эпоса герои обладают не только волчьим умом, но и звериным аппетитом:

*«Абай Гэсэр хаан
Эржэн Шуумар баатартая нуужа,
Шоношолжо залгиба,
Шубуушалжа сумсэбэ».*

«Абай Гэсэр хан со своим
Эржэн Шуумар батором
По-волчьи заглатывает,
По-птичьи клюет».
[Абай Гэсэр, 1960, с. 96, 246].

Резюмируя сказанное, отметим, что образ волка как символ силы и доблести воина занимал важное место в традиции булагатов, особенно его значительная роль была характерна для периода военной демократии. Кроме того, он как сакральное существо был табуирован, отражением чего являются вышеуказанные эвфемические наименования булагатских родов. Причем большей частью эти названия имеют форму уменьшительно-ласкательного

наклонения, выражая положительное отношение к объекту. Впрочем, у бурят существовали и другие иносказательные названия волка: *арзагар шүдэн* – «оскаленные зубы», *нооһон толгойто* – «мохнатоголовый», *шэрүүн* – «жесткий», *хээрын хүхэ* – «степной сивый», *ута хүлтэй* – «длиннохвостый» [Шагдаров, Черемисов, 2010, с. 617], *хүдөөгэй таабай* – «лесной дедушка», *хээрын нохой* – «степная собака» и т. д. [Галданова, 1992, с. 49]. Подобные названия свойственны и монголам: *молхоо хүрэн* – «бурый ползун», *их амтай* – «большеротый», *бор дахт* – «в бурой дохе», *сурхий баатар* – «ловкий» и др. [Эрдэнэболд, 2012, с. 54].

Все эти названия содержат меткую, точную и яркую характеристику внешности, нрава и поведения зверя, хорошо известных кочевникам Южной Сибири и Центральной Азии, в том числе и предкам булагатов.

Но, с другой стороны, предполагается, что волчи эпитеты булагатских групп, восходящие к образной лексике, могли одновременно представлять их боевые кличи, которые использовались во время войн и облавных охот. Кстати, такого рода кличи, имевшие военное назначение, отмечаются в традиции забайкальских бурят – хоринцев [Цыдендамбаев, 1972, с. 229]. Однако смена военно-охотничьей эпохи на более мирную приводит к отступлению хищных образов на второй план, но заметим, что эпическая традиция, которая сама является результатом военной и охотничьей идеологии, сохраняет представления о волчьем символе [Харитонов, 2000, с. 17]. Последнее еще присутствует в религиозной и бытовой традиции и заключено в этнонимии.

Заключение

Таким образом, видно, что родовые названия булагатов, как и само племенное наименование, этимологизируются на бурятском языке, следовательно, происхождение этнического ядра племени имеет монгольские корни, и в традиции у него проявлялось особое отношение к волку как тотемному животному и символу воинов. Последнее означает, что булагаты изначально представляли общность не этнического, а социального типа, похожую и на племя, и на войско. Поэтому в качестве военной силы они выполняли определенную задачу, направленную на захват новых территорий, в частности Предбайкалья, находившегося (примерно с XV в.) вне сферы влияния позднесредневековой Монголии (конец XV – XVI вв.), которая с момента распада (конец XIV в.) великой империи Юань на отдельные независимые уделы старалась путем военных действий восстановить единство государства и установить свою гегемонию в неподконтрольных регионах Центральной Азии и Южной Сибири. Соответственно, булагаты являлись частью этой политики, которая, в частности, отобразилась в их самоназвании – *булгад* – «захватчики». Этим же объясняется и время его возникновения (конец XV – XVI вв.).

При этом параллельно с ним появилось наименование *бурят*, данное булагатам тюркским населением Прихубсугулья или Восточного Присяянья, столкнувшимся с первыми в силу названных обстоятельств. Примечательно то, что его смысл («рыскающие/крадущиеся собаки») из выясненного нами

анализа соотносится с «волчьими» обозначениями булагатских групп, а это указывает на то, что этнические группы, которые встречались на пути их продвижения в Предбайкалье, хорошо, видимо, были осведомлены о воинском символе агрессоров, воплощенном в самоназвании их подразделений, действиях и, возможно, во внешних атрибутах. Как мы считаем, это сыграло не последнюю роль в возникновении соответствующей лексемы *бурят*, употребляемой сначала аборигенными этносами в качестве прозвища булагатов, а потом последние, зная его смысл, стали использовать это прозвание как второе самоназвание, только с добавлением уточнения в виде прилагательного *барга* – «дикий». Тем самым указывая причастность к почитаемому зверю и «волчьему племени», с походами которого также следует связывать истоки распространения имени *бурят* от Байкала до Енисея. По всей вероятности, это нарицательное имя вошло в употребление булагатов в силу сопряженности с самоназваниями их подразделений и общности значений, указывающих на тотемное животное. Следовательно, наименование *бурят* изначально являлось экзонимом, а *булагат* – соционимом, преобразовавшись в итоге в этнонимы.

В завершение добавим, что «сыны волка», покорившие этнические группы Предбайкалья и ставшие наиболее влиятельным и сильным в политическом отношении объединением среди других племен и народов Прибайкалья (до середины XVII в.), сплотили многих из них под своей эгидой и тем самым заложили основу для формирования будущего бурятского этноса, унаследовавшего более известное имя ведущего племени. Отметим, что подобные факты установлены у многих народов [Эрдниев, 1983, с. 63]. Все это показывает сложный характер процессов сложения и формирования этнических групп, возникновения этнонимии, что не дает нам в рамках одной статьи уделить внимание многим аспектам исследуемого вопроса. Рассмотрению других сторон будет посвящена наша дальнейшая работа.

Источники

Мадасон И. Н. Материалы, собранные во время фольклорно-этнографической экспедиции – VI–VII, 70 г. Худайн гол, Тугалаг, Одхон, ул. Хара Азаргай, Хөөрсэг, ул. Олой, Хийтэй ураг, Хухэнэй // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 239/а. Л. 15.

Мадасон И. Н. Иркутская область. Эхирит-Булагатский район // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 18. Оп. 1. Д. 235. Л. 65, 69, 95, 98, 138, 149.

Малагасаев М. «Предание о потомках Хоридоя – Нагатай, Натала, потомках Булагата – Бузган, Тугалык и др. О роде Нохой урук и происхождение 6-ти западных родов» // Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 362. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.

Малагасаев М. «Предания о родах Сэгэнут, бомол, об урянхайском шамане-людоеде Ненгарме» // Государственный архив Республики Бурятия, Ф. 362. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–2.

ПМА 1 – опрос, проведенный в июле 2011 г. в с. Олой Эхирит-Булагатского района Иркутской области (информант – О. А. Дархаева, 1932 г. р.)

ПМА 2 – опрос, проведенный в июле 2015 г. в г. Баян-Хурэ Хулунбуирского городского округа Автономного района Внутренней Монголии Китайской Народной Республики (информант – Н. Батнурувын, 1961 г. р.)

ПМА 3 – опрос, проведенный в июле 2016 г. в г. Баян-Хурэ Хулунбуирского городского округа Автономного района Внутренней Монголии Китайской Народной Республики (информант – Б. Дандарын, 1984 г. р.)

Список литературы

Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос / подгот. текста, пер. А. Б. Соктоева, коммент. Д. А. Бурчиной, А. Б. Соктоева. – М.: Вост. лит. РАН, 1995. – 526 с. – (Эпос народов Евразии).

Абай Гэсэр / вступ. ст., подгот. текста, перевод и коммент. А. И. Уланова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – 314 с.

Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон. Бурятский героический эпос / сост. М. И. Тулохонов. – Новосибирск: Наука, 1991. – 312 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Балагунова С. С. Краткая характеристика лексического состава языка осинских бурят / С. С. Балагунова // Диалектная лексика в монгольских языках. – Улан-Удэ, 1987. – С. 41–52.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – Ч. 1: Булагаты и эхириты. – 366 с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Забайкальские буряты / С. П. Балдаев. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – 376 с.

Банзаров Д. Собрание сочинений / Д. Банзаров. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 374 с.

Бибиков Д. И. Волк. Происхождение, систематика, морфология, экология / Д. И. Бибиков. – М.: Наука, 1985. – 609 с.

Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – Т. I. А – Г. – 520 с.

Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования) / Ц. Б. Будаев. – Новосибирск: Наука, 1992. – 217 с.

Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят / Г. Р. Галданова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 183 с.

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии / Г. Е. Грум-Гржимайло. – Л.: Гос. рус. геогр. об-во, 1926. – Т. 2. – 896 с.

Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Очерки / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 124 с.

Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования / Н. Б. Дашиева. – М.: Наука, Вост. лит., 2015. – 239 с.

Дугаров Д. С. Этимология этнонима бурят (к проблеме происхождения бурятского народа) / Д. С. Дугаров // Актуальные проблемы монголоведения. (Языкознание, литературоведение и фольклористика): Санжиевские чтения – 6. – Улан-Удэ, 2006. – С. 49–55.

Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России / Н. П. Егунов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. – 176 с.

Зориктуев Б. Р. Об этническом составе населения Западного Забайкалья и Предбайкалья во второй половине I – первой половине II тысячелетия н. э. / Б. Р. Зориктуев // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С. 121–130.

Зориктуев Б. Р. О происхождении и семантике этнонима бурят / Б. Р. Зориктуев // Монголо-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ, 1996. – С. 8–31.

История Бурятии / гл. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – Т. 1: Древность и средневековье. – 328 с.

Митрошкина А. Г. Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их апеллятивов / А. Г. Митрошкина // Ономастика Бурятии. – Улан-Удэ, 1976. – Вып. 26. – С. 46–68.

Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен до XVIII века) / Т. М. Михайлов. – Новосибирск : Наука, 1980. – 320 с.

Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.) / Б. З. Нанзатов. – Иркутск : Радиян, 2005. – 159 с.

Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история / Д. Д. Нимаев. – Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2000. – 190 с.

Санжеев Г. Д. «Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов» / Г. Д. Санжеев // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983а. – С. 47–69.

Санжеев Г. Д. Заметки по этнической истории бурят. Кто такие булагачины и керемучины? / Г. Д. Санжеев // Современность и традиционная культура народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1983б. – С. 81–108.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1974. – 768 с.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву Б / Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1978. – 349 с.

Хамутаев В. А. Вхождение Бурятии в состав России: история, право, политика / В. А. Хамутаев. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 92 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ : Респ. тип., 2004. – Т. 3. – 311 с.

Харитонов М. А. Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / М. А. Харитонов. – Улан-Удэ, 2000. – 20 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные / Ц. Б. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.

Шагдаров Л. Д. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. – Т. I. А–Н. – 636 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.) / Л. Эрдэнэболд. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. – 196 с.

Эрдниев У. Э. Об этнониме «калмык» / У. Э. Эрдниев // Историческая этнография: традиции и современность. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – Вып. 11. – С. 62–73.

About the Ethnonyms “Buryat” and “Bulagat”: a New Look at the Problem of Origin

S. B. Bolkhosoev

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude

Abstract. The article discusses the origin of the ethnonyms "Buryat" and "Bulagat", which to date remain largely controversial and not fully elucidated. Therefore, the study of this topic is one of the actual problem whose solution would clarify some unknown aspects of ethnogenesis and ethnic history of Buryats and origin of its individual local components. In this context, this article presents a new theory according to which the occurrence of these names was due to the migration areas of the Baikal region of ethnic groups of Mongolian origin, representing a military formation and divided into six compounds, related with the image of a wolf. This is indicated by the etymological analysis of the ethnonym "Buryat", which, according to the author, dates back to the Turkic basis and have been used in indigenous ethnic groups of the Baikal region as a nickname of Mongolian migrants. The latter called themselves by Mongolian (Buryat) word "Bulagat", having a value of "invaders", and that due to ancient military and hunting

traditions tracing their origins to the wolf totem. This really shows ethnic terms for indigenous Bulagat genera constituting according to genealogical legend, the six associations included in the main group of the tribe. In the literature, they are known as Alaguy, Khurkhud, Dalkhay, Buryukha, Khoygo, Sagan and each of these names indicate specific external and functional characteristics of a wolf. Based on this, we prove the relationship of the symbols of this society with the ethnonym "Buryat" and "Bulagat" Dating back to common sources, related to not only ethno-cultural aspects, but also ethno-political processes in Central Asia and Southern Siberia in the Late Medieval. In the end the conclusion that the name "Buryat" was originally an exonym and "Bulagat" – a social name, translating eventually into ethnonyms. The first, because of the influence of Bulagat enterprises, has spread among other tribes and genera of the Baikal region and subsequently established as a self-name of the Buryat ethnic group.

Keywords: etymology, ethnonyms, ethnic groups, Buryats, Bulagats, wolf, totem, euphemisms.

References

- Balagunova S. S. *Kratkaya kharakteristika leksicheskogo sostava yazyka osinskikh buryat* [Brief description of the lexical composition of the language of the Aspen Buryats]. *Dialektnaya leksika v mongolskikh yazykakh* [Dialectal vocabulary in Mongolian languages]. Ulan-Ude, 1987, pp. 41–52. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat* [Pedigree legends and legends of the buryats]. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1970, Part 1: Bulagaty i ekhirty [Bulagats and Ekhirts], 366 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat. Zabaikalskie buryaty* [Pedigree legends and legends of the buryats. Transbaikal buryats]. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2010, 376 p. (In Russ.)
- Banzarov D. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, AS USSR Publ., 1955, 374 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V. (Ed.). *Istoriya Buryatii* [History of Buryatia]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2011, Vol. 1. Drevnost i srednevekovie [Antiquity and the Middle Ages], 328 p. (In Russ.)
- Bibikov D. I. «Volk. Proiskhozhdenie, sistematika, morfologiya, ekologiya» [“Wolf. Origin, Systematics, Morphology, Ecology”]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 609 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. *Buryatskie dialekty (opyt diakhronicheskogo issledovaniya)* [Buryat dialects (experience of diachronic research)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 217 p. (In Russ.)
- Dashibalov B. B. *Istoki: ot drevnikh khori-mongolov k buryatam. Ocherki* [Origins: from ancient Chori Mongols to Buryats. Essays]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2003, 124 p. (In Russ.)
- Dashieva N. B. *Kalendar v traditsionnoy kulture buryat: opyt istoriko-etnograficheskogo i kulturno-geneticheskogo issledovaniya* [Calendar in the traditional culture of the Buryats: the experience of historical and ethnographic and cultural-genetic research]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 2015, 239 p. (In Russ.)
- Dugarov D. S. *Etimologiya etnonima buryat (k probleme proiskhozhdeniya buryatskogo naroda)* [The etymology of the ethnonym Buryat (to the problem of the origin of the Buryat people)]. *Aktualnye problemy mongolovedeniya. (Yazykoznanie, literaturovedenie i folkloristika): Sanzhievskie chteniya-6* [Actual problems of Mongolian studies. (Linguistics, Literature and Folklore Studies): Sanzhiev Readings-6]. Ulan-Ude, 2006, pp. 49–55. (In Russ.)
- Egunov N. P. *Buryatiya do prisoedineniya k Rossii* [Buryatia before joining Russia]. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1990, 176 p. (In Russ.)
- Erdenebold L. *Traditsionnye verovaniya oirat-mongolov (konets XIX – nachalo XX v.)* [Traditional beliefs of Oirat-Mongols (late XIX–early XX centuries)]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2012, 196 p. (In Russ.)

Erdniev U. E. Ob etnonime «kalmyk» [On the ethnonym "Kalmyk"]. *Istoricheskaya etnografiya: traditsii i sovremennost* [Historical Ethnography: traditions and modernity]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1983, Is. 11, pp. 62–73. (In Russ.)

Galdanova G. R. *Dolamaistskie verovaniya buryat* [Before lamaist beliefs of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 183 p. (In Russ.)

Grumm-Grzhimailo G. E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai. Istoricheskie ocherk etikh stran v svyazi s istoriei Srednei Azii* [Western Mongolia and Uriankhayskiy edge. Historical sketch of these countries in connection with the history of Central Asia]. Leningrad, State Russian geographical society Publ., 1926, Vol. 2, 896 p. (In Russ.)

Khamutayev V. A. *Vkhozhdение Buryatii v sostav Rossii: istoriya, pravo, politika* [Entering Buryatia in Russia: history, law, politics]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2011, 92 p. (In Russ.)

Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Ulan-Ude, Republican printing house Publ., 2004, Vol. 3, 311 p. (In Russ.)

Kharitonov M. A. *Obraz volka v sotsiokulturnoi traditsii narodov Tsentralnoi Azii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The image of a wolf in the socio-cultural tradition of the peoples of Central Asia. Cand. histor. sci. syn. diss.]. Ulan-Ude, 2000, 20 p. (In Russ.)

Mikhailov T. M. *Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevneishikh vremen do XVIII veka)* [And from the history of Buryat Shamanism (from ancient times to the XVIII century)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 320 p. (In Russ.)

Mitroshkina A. G. *Morfologicheskaya struktura iskonno buryatskikh lichnykh imen i semantika ikh apellyativov* [Morphological structure of primordially Buryat personal names and semantics of their appellatives]. *Onomastika Buryatii* [Onomastics of Buryatia]. Ulan-Ude, 1976, Is. 26, pp. 46–68. (In Russ.)

Nanzatov B. Z. *Etnogenez zapadnykh buryat (VI–XIX vv.)* [Ethnogenesis of Western Buryats (VI–XIX centuries)]. Irkutsk, Radian Publ., 2005, 159 p. (In Russ.)

Nimaev D. D. *Buryaty: etnogenez i etnicheskaya istoriya* [Buryats: Ethnogenesis and Ethnic History]. Ulan-Ude, East-Siberian State Academy of Culture and Art Publ., 2000, 190 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. C. (Ed.). *Bolshoi akademicheskii mongolsko-russkii slovar* [A large academic Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2001, Vol. 1. A – G, 520 p. (In Russ.)

Sanzheev G. D. «Nekotorye voprosy etnonimiki i drevnei istorii mongolskikh narodov» ["Some Questions of Ethnonymics and the Ancient History of Mongolian Peoples"]. *Etnicheskie i istoriko-kulturnye svyazi mongolskikh narodov* [Ethnic and historical and cultural ties of the Mongolian people's]. Ulan-Ude, 1983a, pp. 47–69. (In Russ.)

Sanzheev G. D. *Zametki po etnicheskoi istorii buryat. Kto takie bulagachiny i keremuchiny?* [Notes on the ethnic history of the Buryats. Who are the bulagachin and keremuchin?]. *Sovremennost i traditsionnaya kultura narodov Buryatii* [Modernity and traditional culture of the peoples of Buryatia]. Ulan-Ude, 1983b, pp. 81–108. (In Russ.)

Sevortyan E. V. *Etiologicheskii slovar tyurkskikh yazykov: obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnnye* [Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on vowels]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 768 p. (In Russ.)

Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov: obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu B* [Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on the letter B]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 349 p. (In Russ.)

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar* [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010, Vol. 1. A–N, 636 p. (In Russ.)

Soktoev A. B. (the preparation of the text), Burchina D. A., Soktoev A. B. (transl., comm.). *Abai Geser Moguchii. Buryatskii geroicheskii epos* [Abai Geser the mighty. Buryat heroic epic]. Moscow, Vostochnaya literatura RAS Publ., 1995, 526 p. (In Russ.)

Tsydendambayev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye* [*Buryat Historical Chronicles and Pedigrees*]. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1972, 662 p. (In Russ.)

Tulokhonov M. I. (Ed.). *Alamzhi Mergen molodoi i ego sestritsa Agui Gokhon. Buryatskii geroicheskii epos* [*Alamzhi Mergen young and his sister Agui Gokhon. The Buryat heroic epic*]. *Pamyatniki folkloro narodov Sibiri i Dalnego Vostoka* [*Monuments of the peoples of Siberia and the Far East*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 312 p. (In Russ.)

Ulanov A. I. (Ed.). *Abai Geser* [*Abay Geser*]. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1960, 314 p. (In Russ.)

Zoriktuev B. R. Ob etnicheskom sostave naseleniya Zapadnogo Zabaikaliya i Predbaikaliya vo vtoroi polovine I – pervoi polovine II tysyacheletiya n. e. [On the ethnic composition of the population of Western Transbaikalia and Cis-Baikal Region in the second half of the 1st – half of the 2nd millennium AD]. *Etmicheskaya istoriya narodov Yuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii* [*Ethnic History of the Peoples of Southern Siberia and Central Asia*]. Novosibirsk, 1993, pp. 121–130. (In Russ.)

Zoriktuev B. R. O proiskhozhdenii i semantike etnonima buryat [On the origin and semantics of the ethnonym Buryat]. *Mongolo-buryatskie etnonimy* [*Mongol-Buryat ethnonyms*]. Ulan-Ude, 1996, pp. 8–31. (In Russ.)

Болхосовев Станислав Борисович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра этнологии и народной
художественной культуры,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры, Россия, 670031,
г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru

Bolkhosoev Stanislav Borisovich

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department
of Ethnology and Folk art Culture,
East-Siberian State Institute of Culture,
1, Tereshkova st., Ulan-Ude, 670031, Russia
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru